Содержание

Вступление 5

Письмо первое. Сиринга 9

Письмо второе. Побег 11

Письмо третье. Это всего лишь конец... 15

Письмо четвертое. Белый Зайчик 16

Письмо пятое. моя подруга подобрала
на улице ангела... 25

Письмо шестое. Школьный праздник 27

Письмо седьмое. ты вернешься
в свой дом налегке... 42

Письмо восьмое. Скрипичная пьеса
для рыжего кота 43

Письмо девятое. Понарошку 53

Письмо десятое. Мариан 54

Письмо одиннадцатое. Под конец узнаешь... 60

Письмо двенадцатое. Белые лебеди 61

Письмо тринадцатое. ногти покрасить
в синий цвет... 64

Письмо четырнадцатое. День луна ночь 65

Письмо пятнадцатое. Пока мы играли,
пока мы листали... 67

Письмо шестнадцатое. Крысоловка 68

Письмо семнадцатое. господин! на закате... 71

Письмо восемнадцатое. В ночь 73

Письмо девятнадцатое. ночь улеглась,
рассвета линия легка... 78

Письмо двадцатое. Наблюдения за птицами 80

Письмо двадцать первое. в древности
австралийские аборигены... 84

Письмо двадцать второе.
Девочка, которую все любили 86

Письмо двадцать третье.
Бабушка варит варенье из роз... 97

Письмо двадцать четвертое. Почти как сирень 99

Письмо двадцать пятое. Дети голодных лет... 110

Письмо двадцать шестое. В волшебном саду 111

Письмо двадцать седьмое. в библиотеке 115

Письмо двадцать восьмое. Забытая сказка 116

Письмо двадцать девятое.
Заросший травою след... 118

Письмо тридцатое. Макро Полюс 120

Письмо тридцать первое. Как стало тихо... 126

Письмо тридцать второе. Добежать до норы 127

Письмо тридцать третье. тают стены тает дым... 130

Письмо тридцать четвертое. Утроение сущностей 131

Письмо тридцать пятое.
Кровать обращается в пар... 136

Письмо тридцать шестое. Тишина 137

Письмо тридцать седьмое.
Ночь наступала неспешно... 139

Письмо тридцать восьмое. Единственный шанс 141

Письмо тридцать девятое.
потом бабушка стала сосной... 145

Письмо сороковое. Пятый возраст 146

Письмо сорок первое. Старая женщина
толкает по дороге тележку... 149

Письмо сорок второе.
Переплетение нежных корней 150

Письмо сорок третье. у них не было лиц... 153

Письмо сорок четвертое. Пиршественный индюк, или Повесть о любви Гракулея и Лусисзвны 154

Письмо сорок пятое. Такая была жара... 170

Письмо сорок шестое. На берег 172

Письмо сорок седьмое.
Когда луна взошла наружу... 177

Письмо сорок восьмое. Переход 178

Письмо сорок девятое.
По утрам витражи блекнут и потолок... 183

Письмо пятидесятое. Тонкая оболочка 184

Письмо пятьдесят первое. под дымящимся кругом луны поднимается дюжина птах... 187

Письмо пятьдесят второе. Три пачки офисной бумаги по пятьсот страниц 189

Письмо пятьдесят третье.
а здесь смешные облака... 216

Письмо пятьдесят четвертое. Я пишу тебя 217

Письмо пятьдесят пятое. старое кресло 227

Письмо пятьдесят шестое.
Пеннорожденная тройня 228

Письмо пятьдесят седьмое.
накануне затмений, кометы, парада планет... 247

Письмо пятьдесят восьмое. И тогда снег 248

Письмо пятьдесят девятое.
ночь рыдает шрапнелью перьев... 250

Письмо шестидесятое. Старые свитки 251

Письмо шестьдесят первое.
если глядеть изнутри... 256

Письмо шестьдесят второе. Приходит волна 257

Письмо шестьдесят третье.
тогда я стану дождем... 260

ВСТУПЛЕНИЕ

В мае двадцать второго проклятого года в мой почтовый ящик упало письмо с неизвестного адреса. В сабже значилось: «contes cruels». Давнее увлечение сочинениями Огюста де Вилье де Лиль Адана единственное остановило мою руку, привычно направлявшую в корзину послания, неизвестным науке образом обошедшие жесткие спам-фильтры. Сообщение располагалось непосредственно в теле письма, что было благоразумно со стороны автора. Моя любознательность не распространялась на то, чтобы открывать вложение, хоть и маскирующееся под текстовый файл. Однако я прочитала этот текст и заинтересовалась настолько, чтобы, во-первых, скопировать его в отдельную папку, а во-вторых, изучить емейл отправителя. По всей видимости, это была рассылка и мой адрес значился в слепой копии списка адресатов. Имя horaciawh в домене gmail было, вероятно, пересылочным пунктом, заведенным в безымянном интернет-кафе, через который поток писем направлялся по множеству случайных адресов, включающих и мой. Более того, следующие письма, приходящие с тем же заголовком «жестокие сказки», отправлялись с других мейлов, с приставкой Re:, Re:Re:, Re:Re:Re:, так что я предположила, что оказалась включена в неведомую группу, сочиняющую текст по принципу «сада разветвляющихся троп». Если имя первого отправителя и прочитывалось как слегка искривленное «Горация», следующие представляли собой все более нелепые сочетания букв и цифр. В этой цепочке мне слышалось приглашение вступить в игру, но я так никогда и не включилась в нее, даже если то была только игра, и так никогда и не отправила собственных сочинений на последний или какой-либо из адресов в цепочке. Дважды я писала вежливые сообщения на исходный мейл, еще похожий

на человеческий, но ответов не получила. Ни к чему обнадеживающему не привел и быстрый поиск в сети людей с таким именем и инициалами, как значилось в послании, как и со всеми прочими именами отправителей. Но уже самое первое письмо вытащило меня из серой тоски, в которой я в то время пребывала, не способная ни на какую физическую или умственную деятельность. И, сама себе удивляясь, я ожидала следующего письма в состоянии, схожем с влюбленностью, растущей с каждым новым мейлом, словно бы зыбкая фигура отправителя воплощалась передо мной во плоти. Лучше, чем во плоти, — это наслаждение не требовало от меня соответствия принятым в обществе нормам факабельности, но представляло собой наслаждение как таковое. Из вышесказанного читатели вправе делать любые выводы как о моем психическом состоянии, так и о моих сексуальных предпочтениях. Я осуществляю это издание не для того, чтобы прославить собственное имя или открыть человечеству истину, до сего времени остававшуюся ему неизвестной.

Уже после пары первых писем я просмотрела корзину на предмет, не провалилось ли туда какое-либо из прошлых «contes cruels». Но в прошлом ничего подобного не было, а в настоящем в мой ящик с регулярностью три — пять, самое больше — шесть дней приходили все новые истории. Я оставила попытки разыскать их автора или авторов, полагая, что если он, или она, или же они хотели в наши непростые дни оставаться анонимными, то имели все основания и права пребывать в таковом качестве. А мне пришлось смириться с их недостижимостью, по крайней мере до той поры, пока они не захотят открыть свои личности или пока кто-либо из иных читателей жестоких сказок не окажется более удачливым в определении авторов. Собственно, это соображение и побудило меня опубликовать полученные по почте истории, ни в коей мере не претендуя на авторство, но исключительно надеясь

совместными усилиями — в том числе излишне скромных получателей той же рассылки — из крошечных туманных осколков собрать лицо их создателя. Впрочем, я не исключаю возможности, что адресатом полученных мною писем была единственно я одна, а генерил их какой-нибудь случайный AI по алгоритму, составленному на основе моих предпочтений. Оттого эти истории произвели на меня такое впечатление, тогда как всякий другой читатель не найдет в них ничего забавного и удивительного. Эта версия попахивает конспирологией, однако в пользу первого аргумента говорит то наблюдение, что со времени знакомства со «сказками» я определенно стала встречать их фрагменты, сюжетные лоскутки и отдельные фразы во всяческих текстах, классических и современных, к чтению которых заново пристрастилась. Я утешала себя сознанием зеркальности образов и ограниченностью числа сюжетов, но всякий раз, когда узнавала некоторую фразу, — словно отражение запомнившейся шахматной позиции мелькало и пропадало в двери комода, всякий раз я ощущала, как мурашки бегут по коже. Странным образом, в такие моменты, когда из разрозненных ниток сказок, распределенных по пространству, я убеждалась в реальности этих текстов, я убеждалась и в реальности их авторов, и более того — в существовании их в едином со мной временном промежутке.

Аргумент об обращенности сказок лично ко мне и ко мне одной мог быть подтвержден или опровергнут только возникновением открытой обратной реакции на их открытую же публикацию. И для того, чтобы получить упомянутую реакцию, я предъявляю эти сказки читателю и ожидаю ее с дрожью, с какой не стала бы ждать представления собственного дитя взыскательному суду экзаменаторов.

Всего я получила что-то вроде пяти дюжин посланий, а после того как скудный поток писем прекратился к середине осени, ждала еще полтора месяца,

перечитывая и перечитывая полученные прежде, а затем собрала их вместе и, признаюсь, слегка литературно обработала. Не редакторской, но минимальной корректорской правкой. Я не касалась жанров и стилей, меняющихся от текста к тексту, что косвенно подтверждало гипотезу полилога. Лоскутки рассказов развлекали и ужасали, обрывались в никуда. Отдельные истории не завершались, но собирались в лучшее из повествований, историю об историях, и не опускались в сияющие пропасти дидактичности и нравоучительности.

Если они и заставляли читателя остановиться и задуматься, то над вшитыми в живой сюжет загадками, иной раз и математическими задачками. Однако второпях авторы путали падежи, питали необъяснимое предпочтение к заглавным буквам в названиях институций и по большой части произвольно расставляли знаки препинания. Данные проколы, вероятно, представляли характерный след, по которым могла бы быть установлена личность автора или авторов посланий, но я все же скрыла их в пользу традиционной орфографики. Легкое несоответствие авторской грамматики и пунктуации принятым нормам языка было, на мой скромный взгляд, единственной фальшивой нотой в превосходном произведении. Возможно, как я заметила выше, эти истории воодушевили меня и только меня, в то время как другие читатели не найдут в них ничего умного и забавного, что могло бы вывести их из сплина. Все же я смею надеяться, они развлекут читателя и подлинным светом красоты и мудрости озарят его душевное состояние. Как бы то ни было, достаточно мне говорить. Пора остановить предварительные разглагольствования и распахнуть занавес основного действия.